

Молитва козодоя

Софья Бекас

Софья Бекас

Молитва козодоя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70113199

SelfPub; 2024

Аннотация

Если козодой начал молиться поздней ночью под Вашими окнами, не спешите прогонять его: быть может, он устал после долгого перелёта. Дайте ему отдохнуть. В качестве изображения на обложку использована картина Н. Ге "СОВЕСТЬ. ИУДА".

Софья Бекас

Молитва козодоя

В одном лесу жил когда-то козодой. Вы не знаете, кто такой козодой? Это небольшая птичка навроде кукушки, только чуть меньше, пёстрая, коричневая и с широким «лягушачьим» ртом. Если он будет неподвижно сидеть где-нибудь на земле рядом с Вами, Вы его и не заметите, а вот он Вас, поверьте, не пропустит. И помолится за Вас, обязательно помолится, будьте уверены.

Он пришёл к козодою до рассвета, когда звёзды, пусть уже тусклые и слабые, ещё были видны на небе. Он и сам не знал, чего он хотел, но козодой молился в зарослях маквиса под его окнами чуть ли не каждую ночь, и его монотонная песня, навевавшая безотчётную тоску, мешала ему уснуть. Ночь была тихая, тёмная и холодная – тихая, конечно, если не учитывать однообразную молитву козодоя.

Когда гравий зашуршал под его ногами, козодой тут же смолк и притаился где-то между частыми стеблями низкорослого кустарника, прижавшись всем телом к земле, и, если бы он не молился здесь в самые поздние часы каждый вечер, никто, даже собака с самым острым нюхом, не догадался бы, что козодой сидит здесь, в маквисе, под самым его носом. Но он знал, что козодой там, а потому уверенно остановился прямо напротив кустов и осторожно опустился на одно ко-

лено.

– Друг мой, – сказал он, обращаясь к маквису. – Молитва – дело святое, благородное и полезное, но ты не мог бы молиться в другое время? Сейчас уже поздно, все хотят спать, и я в том числе. Скоро встанет солнце, так помолись, когда его лучи осветят твои перья, или вечером, когда оно попрощается с тобой на закате. А сейчас я был бы не прочь вздремнуть часок-другой.

Козодой пугливо втянул голову и слабо сверкнул в темноте большими масляными глазами.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Я помолюсь за твой крепкий сон.

– Нет, ты не понял, – он покачал головой из стороны в сторону и усмехнулся. – Я не могу уснуть из-за твоей молитвы, которая, да простят меня боги мира сего, раздражает в столь поздний час. Молись в другом месте, не знаю... В лесу или на берегу моря.

– Хорошо, – снова сказал козодой. – Завтра ночью ты не услышишь меня, но не ропщи, если когда-нибудь я вдруг снова окажусь в маквисе под твоими окнами, ведь не ты один просишь спокойный сон, – козодой усмехнулся каким-то своим мыслям, а потом добавил: – Без моей назойливой песни.

– А о чём ты всё время молишься, если не секрет? – с любопытством спросил он, полностью опустившись на землю и сложив ноги по-турецки. Козодой задумался, и на мгновение

луна блеснула в его больших, тёмных, как будто масляных, глазах.

– Да много за что есть помолиться, – ответил козодой. – За что и за кого.

– Ну например?

Козодой опять задумался.

– Приходило ко мне двенадцать учеников одного учителя. Одиннадцать попросило помолиться за учителя, двенадцатый – за себя. Три раза он приходил ко мне... А он грешником был, и бремя на его плечах лежало тяжёлое: мне такое поднять к небу было трудно. Первый раз я за него помолился, второй помолился, третий не стал.

– Что же он сделал?

– Да много чего, – пожал плечами козодой, чуть придвигаясь вперёд. В высокой траве по соседству закрипела цикада, и он невольно усмехнулся, ведь её песня была так похожа на молитву козодоя. – Я помню, как он пришёл ко мне... Было страшно...

– Почему?

– А кому не страшно, когда к тебе приходит убийца?

Ночь была на редкость тёмная и мрачная: ни луны, ни звёзд – никакого света, только огни деревни мигали внизу, под утёсом, на морском берегу. Холодный, зимний, влажный

ветер, смешанный с дождём и морскими брызгами, бился и плевался в необъяснимой ярости, расшатывал старенькие беленькие домики и набрасывался на крутой берег.

Козодой, по своему обыкновению, приютился в зарослях маквиса на окраине леса. В прошлую грозу молния попала в сосну, и теперь её одинокое тело покоилось среди своих бывших собратьев, постепенно сливаясь с землёй, а острый пенёк, как надломленная спичка, торчал посреди леса, невольно привлекая к себе внимание. Козодой и расположился здесь: на окраине бора, в сухой колючей поросли маквиса, между остроконечным пнём и упавшим стволом сосны. Прошлой ночью его прогнали с насиженного места, и это поваленное дерево должно было стать его приютом на ближайшие несколько дней, а то и недель – если, конечно, повезёт.

Козодой уже было начал молиться, даже успел поблагодарить Бога за очередной прожитый день – а если быть точным, прожитую ночь, – как вдруг позади него под чьими-то тяжёлыми шагами затрещали ветки. Козодой мгновенно смолк и прижался всем телом к земле: он знал, что его не видно, и, не будь у него привычки молиться, никто и никогда не нашёл бы его, но человек, вышедший откуда-то из самой глубины леса, замерев на секунду и внимательно осмотрев кусты, пошёл к упавшей сосне, прямо туда, где сидел козодой.

– Я знаю, что ты там. Я тебя слышал, – сказал грубовато человек и опустился на поваленное дерево рядом с козодо-

ем. – Можешь не прятаться.

Человек замолчал и остановился задумчивым взглядом на морской глади, простирающейся тёмным полотном вплоть до самого горизонта. Козодой ничего ему не ответил, только внимательно осмотрел его худую, сутулую фигуру, мрачный взгляд, серьёзное, сосредоточенное лицо, чуть выдвинутую в злобе челюсть, скрюченные в напряжении пальцы... Козодой, за много лет привыкший к ночному мраку, уловил страшный лихорадочный блеск в глазах человека, отчего он невольно втянул голову и ещё сильнее прижался к земле.

– О чём ты постоянно молишься? – спросил вдруг человек, лениво поворачивая голову к козодою. Злой ветер со всей силы дунул ему в лицо и откинул назад его длинные чёрные пряди, обнажив уставшие глаза.

– За всех молюсь, – несколько робко ответил козодой. – Всегда есть за кого помолиться.

– А за себя молишься? – человек смотрел именно туда, где сидел козодой, но последний был уверен, что тот лишь знает его место, но на самом деле не видит его.

– Нет. Молиться за себя – дело неблагородное и неблагодарное, молиться нужно за кого-то другого, – с грустным вздохом сказал козодой. – Проходил мимо меня вчера пастух и плакал, что у него волки поели полстада, вот я за него и помолился. Неделю назад плакала жена, что с войны не приходит писем от мужа, я и за неё помолился, и за мужа. Потом слышу, она уж смеётся: муж сам своё письмо привёз.

Некоторое время человек молчал, погрузившись в свои тёмные, мрачные мысли, и даже в такой кромешной темноте, какая была той ночью, козодой видел, как лихорадочно блестели глаза этого страшного человека.

– А за меня помолиться можешь? – спросил он наконец глухо, свысока глянув на козодоя. Тот поёжился.

– Могу, – ответил козодой. – А за что молиться?

– Да просто помолись за меня.

– Нет, – покачал головой козодой. – «Просто» молиться нельзя. Надо молиться о чём-то, за что-то, за кого-то... Просто так никогда ничего не бывает.

Человек смерил козодоя колючим, цепким взглядом и отвернулся.

– За душу мою помолись, – бросил он сквозь зубы. Казалось, что бурное море, такое же, как внизу, под утёсом, плясало у него в глазах. – Я человека убил только что. Не просто человека – своего отца. Пусть кровь на моих руках уже остыла, он сам – ещё нет... Он лежит там... На полу... Ещё тёплый... Как будто живой...

Козодой испуганно отпрянул и готов был уже взлететь, как обычно, незаметно и бесшумно, но сдержался, остался сидеть между ветвями маквиса, только едва заметно вздрогнул и сильнее прижался к земле.

– Можешь не молиться, – едко усмехнулся человек, сцепив руки в замок. – Я не обижусь.

– Нет-нет, я... Я помолюсь, – чуть сбивчиво сказал козо-

дой, переминаясь на своих коротеньких ножках. Ему стыдно было признаваться в этом даже самому себе, но ему вдруг очень захотелось улететь подальше от этого страшного человека, и он с сожалением подумал, что ему снова придётся искать новое место.

– Буду благодарен, – снисходительно хмыкнул человек. – Ты... Это... – человек почему-то замялся и, опустив голову, пожевал губы, а затем сказал: – Попроси Бога, чтобы он дал мне учителя, наставника, воспитателя... Не знаю. Кого-нибудь, кто направит меня, поможет отмыться от сажи на моей душе. Чтоб он был мне и наставником, и другом, и человеком близким, почти родителем...

Козодой задумался. Даже здесь, высоко над морем, было слышно, с каким грохотом и с какой силой ударяются его волны о каменистый, скалистый берег.

– Хорошо, – сказал наконец козодой. – Будет тебе и друг, и учитель, и родитель, и верный товарищ.

– Почём ты знаешь? – спросил человек с горькой усмешкой. Козодой слегка пожал плечами.

– Бог всегда слышит мои молитвы. Не знаю, почему именно мои и почему он всегда делает так, как я прошу. Может быть, потому, что я никогда не молюсь за себя. А учитель у тебя будет, не сомневайся. Друг детства. Уверен, ты его помнишь.

– Спасибо тебе, – тихо сказал человек. Он поднялся, отряхнулся от налетевшей на него пыли, и, чуть прихрамы-

вая на левую ногу, пошёл прочь по дороге к морю. Ночь была на редкость тёмная и мрачная, но даже в ней козодой увидел его руки: угольно-чёрные от уже немного остывшей, но ещё влажной чужой крови, и ветер, до этого сносивший весь запах козодой за спину, осел в его рту и лёгких тошнотворным привкусом мокрого металла. Козодой проводил человека внимательным взглядом, а затем, как обычно, абсолютно бесшумно вспорхнул и улетел на другую сторону леса, подальше от яростного, рассвирепевшего моря.

Этот человек вернулся к козодой спустя много лет в такую же тёмную ночь. Тогда козодой приютился в заброшенном дупле старого дуба и молился за здоровье всех несправедливо осуждённых, и шум весенней молодой грозы практически заглушал его однообразную назойливую песню. Козодой и сам знал, что его голос, особенно, если долго его слушать, может быть весьма раздражающим: он не отличался ни красотой, ни разнообразием, разве только громкостью и невероятной настойчивостью – а козодой был всегда весьма настойчив в своей молитве. Иногда даже козодой думал, что Бог поэтому и исполняет все его просьбы: чтобы не слышать его раздражающий голос, от которого он, Бог, уже порядком подустал. Подобные мысли посещали его, конечно, только в особо печальном состоянии духа, когда его в очередной раз прогоняли с насиженного места, и тогда козодой задумывался о том, быть может, он всем только мешает своей молитвой, и на самом деле от неё нет никакой пользы, но потом

он видел счастливые лица тех, за кого он молился, и прежняя святая уверенность поселялась в его сердце.

Человек пришёл к козодою снова почти в то же время, что и в прошлый раз, только сейчас восход солнца был ближе. Он пришёл в волчий час, как настоящий преступник. Его тяжёлые, грубые шаги, так не соответствующие его худой, высокой, сутулой фигуре, огласили лес, когда козодой, промолвившись всю ночь, уже собирался спать. На этот раз человек намеренно искал его и вряд ли бы нашёл, если бы, опять же, не молитва козодоя. Он остановился прямо под дуплом, задрал голову и, приложив ладони к лицу, окликнул козодоя.

– Далеко ты забрался, дружок, – прохрипел человек, заметив высунувшуюся голову козодоя. Года не сильно изменили его ни внешне, ни внутренне, и глаза его блестели всё так же лихорадочно. – Кажется, будто весь мир обошёл, лишь бы тебя найти...

– Ну что? Дал тебе Бог учителя? – спросил с искренним интересом козодой, и опять его посетила стыдная мысль: ему вдруг стало очень приятно, что его дупло находилось порядком выше, чем мог бы дотянуться человек.

– Дал... – с каким-то страшным, поистине звериным оскалом прохрипел он, цепляясь рукой за нижнюю ветку. Козодой пугливо отодвинулся от края дупла. – Самого лучшего дал... На всём белом свете не найти такого же другого... – человек хищно облизнулся, и козодой с удивлением подумал, что никогда ещё не видел кого-то, настолько похожего

на волка. – Спасибо тебе... – судорожно зашептал человек, нервно сглатывая. – Спасибо...

– Я рад за тебя, – постарался улыбнуться козодой. Ветер пробежался по кронам, зашумел сырыми тяжёлыми листьями и влажными чёрными ветвями и бросил человеку на лицо его угольно-чёрные от воды пряди.

– Я его предал, – почти прошептал сквозь стиснутые зубы человек и, вскинув голову, посмотрел на козодоя безумным, дрожащим взглядом. – Только что, там, в саду... Завтра его уже не будет с нами, и я – слышишь, я! – этому причина...

Некоторое время козодой молчал: он не знал, что сказать.

– Нет, – тихо произнёс он наконец и медленно покачал головой. – Ты не причина. Ты следствие. Но зачем ты это сделал?

Человек не ответил, только опустил взгляд и прислонился лбом к коре дуба.

– Не знаю, – выдохнул он. – Но кто, если не я? Разве не нашёлся бы кто-нибудь другой, который сделал бы то же самое?

– Почём ты знаешь? – спросил козодой. – Может, если бы не ты, никто бы этого не сделал.

– Если бы не я, завтра бы не настало – таким, каким оно будет, во всяком случае. Нет-нет, нашёлся, обязательно нашёлся бы какой-нибудь гад, который продал бы его за копейки...

Человек развернулся спиной к дубу, облокотился на

ствол, медленно сполз на землю и обхватил голову руками.

– Так всё-таки, – подал голос козодой. – Почему ты это сделал?

– Потому что я низкий и подлый человек, – хрипло ответил он, убирая с лица прилипшие пряди. Над ними в тёмном небе взорвался гром.

– Но ведь... – козодой запнулся, подбирая слова. – Но ведь ты не просто так пошёл и... М...

– Именно так я и сделал, – с мрачной гордостью сказал человек и усмехнулся. – Мне предложили деньги. Копейки, в сущности.

– И ты согласился?

Человек медленно кивнул. Помолчали.

– И что же ты купил на эти деньги? – робко поинтересовался козодой. Человек пожал плечами.

– Ничего. Вот они, лежат за пазухой, – человек похлопал себя по груди, и что-то глухо зазвенело у него под одеждой.

– Ты говорил, что искал меня, – напомнил козодой. – За чем?

Человек поднял голову и посмотрел снизу вверх на козодоя, поблёскивая иногда глазами в темноте предрассветного часа.

– Помолись за меня, – хрипло попросил он, не сводя взгляда с козодоя. – Помолись, как в прошлый раз. Меня не простят ни родители, ни дети, ни их внуки рода людского, и именем моим будут нарекать каждого предателя, какой

только родится на этой земле, но, если ты помолишься, если только ты помолишься за мою душу, может быть, у Бога найдётся минутка простить меня.

Козодой помолчал в задумчивости. Он решался.

– Я заплачу тебе, – с мольбой в голосе сказал человек.

– На что мне твои деньги?

– Всё равно. Возьми, – человек дрожащими пальцами вынул из складок своей одежды нечто звенящее, встал, но, не придумав, куда его деть, положил на развилку ветвей. – Ты спросил, почему я это сделал? Потому что глупый я человек, глупый, подлый и жадный, но ты пойми, так должно было случиться.

– Не понимаю, – ответил козодой.

– Не понимаешь – потом поймёшь, – с досадой отмахнулся человек и развернулся, чтобы уйти. – Но ты помолись за меня. Прошу.

Человек ушёл в ночь, туда же, откуда пришёл, и козодой остался один вместе с весенней грозой, старым потёртым кошельком и просьбой помолиться за убийцу и предателя. «Жадный, говоришь? – подумал козодой, с необъяснимым отвращением поглядывая на грязные жалкие копейки, за которые был продан безвинный человек. – Нет... Какой угодно, но не жадный. Жадный так просто со своим добром не прощается». Козодой бесшумно взмахнул крыльями, легко подхватил свёрток с деньгами, полетел в ближайшую деревню и отдал первым попавшимся голодным детям.

Вернувшись к себе в дупло, козодой с досадой отметил, что весь сон с него как рукой сняло: он всерьёз задумался, не будет ли наглостью просить Бога простить того, кто, может быть, этого вовсе не заслуживает – а козодой не мог ручаться за искренность этого человека. С другой стороны, не выполнить его просьбу Бог всегда успеет, да и он умный, Бог-то, и ему с неба всё видно лучше, чем ему с земли. Козодой устало вздохнул, зевнул, зажмурил большие масляные глаза, поёжился от ещё холодного дыхания ветра – даром, что была уже поздняя весна – и принялся молиться.

Козодой думал, что больше уже не увидит этого человека, или хотя бы пройдёт ещё не один год, прежде чем они снова встретятся, но он пришёл к козодою на следующую же ночь, на удивление тихую и спокойную. Перед этим, правда, был день, но его козодой не застал: он спал крепким сном, долгожданным и заслуженным после насыщенной ночи и не менее насыщенного утра.

Он только-только закончил молиться за убийцу и предателя. Небо стало совсем светлым, солнце уже показало своё белое лицо, и козодой с неудовольствием отметил, что он припозднился: обычно в это время он давно уже спал и видел десятый сон, и ему оставалось только надеяться, что это было не зря. Козодой повернулся спиной к солнцу, устроился поудобнее, закрыл глаза и тут же провалился в сон, настолько он был уставшим.

Вдруг козодой почувствовал, как кто-то осторожно тро-

гает его за плечо. Козодой встрепнулся, повернул голову и увидел, что это какой-то человек с явным страхом нечаянно навредить птице гладит его по спине, погружая палец в его густые перья почти полностью. Козодой, конечно, испугался и отпрыгнул подальше от этого человека в глубину дупла, но его светлое лицо и какой-то по-особенному печальный взгляд вдруг сказали ему, что он пришёл за молитвой, и молитвой точно не для себя.

– Прости, пожалуйста, что разбудил и напугал тебя, – тихо сказал человек дрожащим старческим голосом. – Но нам сказали, что твои молитвы Бог слышит лучше других. Так помолись, будь другом.

Человек отодвинулся от дупла, и козодой, осторожно придвинувшись к краю, выглянул наружу и с удивлением увидел, что тот человек стоял на плечах другого, а внизу вокруг них было ещё девять, и у всех них было одинаковое, какое-то странно печальное выражение лица. Человек спустился с плеч своего товарища, и все они, какие-то осунувшиеся, напуганные, бледные в лучах восходящего солнца, сгруппировались перед дуплом, в ожидании глядя на козодоя молящими глазами.

– За что вы хотите, чтобы я помолился? – спросил наконец козодой, глядя сверху вниз на своих неожиданных гостей. Те настороженно переглянулись между собой.

– Помолись за нашего учителя, – попросил один из них, тот, что заглядывал в дупло к козодою, и снова на лицах

людей отразилось странное испуганно-печальное выражение, какое козодой обыкновенно видел у ожидающих чужой смерти.

– Сегодня страшный день, – сказал другой, с выцветшими, бледными, но удивительно светлыми и добрыми глазами. – Ты, козодой, ночная птица, – козодой невольно вздрогнул, ведь мало кто – а точнее, никто – не обращался к нему по имени. – Ты уснёшь сейчас, проспишь до вечера и не узнаешь тех ужасов, что сегодня будут творить люди и от которых люди будут страдать. Просим тебя, помолись за нашего учителя: он сегодня главный мученик, а потом за всех без вины страдающих, без вины обвинённых помолись.

Козодой коротко кивнул и зевнул. Люди перед ним поклонились до самой земли, приложив ладони к груди, потоптались ещё немного на месте, неловко переглядываясь между собой, снова поклонились и нестройной толпой пошли прочь, бормоча себе под нос что-то озабоченно-печальное. Козодой проводил их усталым сонным взглядом, зевнул, широко раскрыв свой большой лягушачий рот, зажмурился, помялся, подставив лицо первым, ещё прохладным лучам рассветного солнца, поёжился, опустил глаза на толстые ветви дуба и только тогда заметил дары, которые оставили люди. Каждый принёс ему то, что мог: перед козодоем лежали финиковая веточка, чей-то старый гиматий, лежанка, сплетённая из колючей соломы, маленькая корзинка орехов и большой кувшин с водой. Козодой слетел с ветвей дуба вниз,

осторожно сел на край кувшина и целиком опустил голову в воду. На вкус вода оказалась очень сладкой и свежей, и козодой тут же почувствовал себя на удивление бодрым и полным сил. Грустно вздохнув, козодой залез обратно в дупло и принялся молиться, и молился он в этот раз так, как не молился ещё ни за кого и никогда.

Люди, приходившие к нему на рассвете, были правы: когда солнце полностью показалось над волнистой линией сизого леса, окутанного белёсой дымкой, козодой уже спал глубоким мёртвым сном с замершими на губах словами молитвы, прислонившись лбом к коре дуба, свесив одно крыло за край дупла и крепко зажмурил большие масляные глаза, и не знал о том, что происходило в этот день на свете. Он узнал о том, что случилось, но уже позже, когда солнце третий раз опустилось за линию горизонта и когда яркая звезда, светившая до этого над землёй тридцать с лишним лет, вдруг увеличилась в разы, а потом как будто лопнула, рассыпалась в небе снопом искр и навсегда исчезла с небосвода, уступив место другим, не менее прекрасным звёздам.

Человек пришёл к нему на закате, когда кроваво-красное, багровое солнце наполовину скрылось за одинокой горой, казавшейся против света угольно-чёрной, как будто выжженной. Вечер был на удивление тихим и спокойным. Козодой смотрел куда-то в зелёное, быстро темнеющее небо и думал, что сегодня ночью ему снова нужно найти новое место: вчера его молитву услышал голодный охотник и недву-

смысленно попросил помолиться, чтобы у него был сытный ужин. Козодой потоптался на месте, поёжился и осторожно высунул голову из дупла: он хотел дождаться момента, когда совсем стемнеет, и тогда он со спокойным сердцем улетит, как обычно, абсолютно незаметно и бесшумно, в мрак ночи. Куда именно?.. Он пока не знал, знал только, что вперёд, навстречу новым неизведанным землям, в которых он раньше никогда не был и в которых не задержится надолго, как бы ему того ни хотелось.

Из размышлений козодоя вырвал непонятный свистящий хрип. Сначала он подумал, что это шипит змея, и испуганно оглянулся в её поисках, готовый защищаться, но оказалось, что никакой змеи нигде не было, а прямо под его дуплом стоял тот страшный человек, убийца и предатель. Но козодой почему-то со стыдом подумал, что лучше бы там была змея.

– Помолись за меня, – разобрал наконец в едва слышимом шёпоте козодой. Бледные, тонкие, мёртвые губы человека двигались, словно во сне, и с них не слетало ничего, кроме тихого противного свиста и глухого хрипа, клокочущего где-то в горле.

– Что ты сделал на этот раз? – устало спросил козодой, глядя сверху вниз на своего незваного гостя. Его глаза, до этого такие суровые, смелые и горделивые, теперь бегали из стороны в сторону, как крысы на тонущем корабле, а руки, раньше не дрожавшие даже от холода, когда морской ветер студил на них свежую кровь, судорожно мяли полы одежды,

и козодой вдруг увидел как никогда ясно, насколько слабый и испуганный человек стоит сейчас перед ним.

– Ничего. Пока, – прошептал человек, глотая ртом воздух и цепляясь дрожащими пальцами за кору. – Но сделаю.

– Так может, не стоит? – тихо спросил козодой. Человек его не услышал.

– Помолись за меня, – снова попросил он и, прислонившись спиной к стволу дуба, сполз вниз, на землю: его не держали ноги. – Помолись за меня, как в прошлый раз и как в раз до этого.

– Почему же ты сам не помолишься? – спросил козодой, и снова ему стало удивительно приятно, что дупло находится довольно высоко.

– Мне стыдно перед Богом, – ответил человек, – а ты душа светлая, тебе стыдиться нечего.

Солнце полностью скрылось за горой. Стало тихо.

– Ты хочешь убить, да? – задумчиво спросил козодой. Человек коротко кивнул. – Может, не будешь брать грех на душу?

– Нет, – покачал головой из стороны в сторону человек и горько усмехнулся. – Этого человека надо убить. Это даже не человек, это... Гад, каких свет не видывал...

Помолчали, только рваное, больное дыхание человека нарушало лесную тишину.

– Знаешь, мне тоже за тебя стыдно молиться, – тихо сказал козодой. – Ты трижды убийца – ну, почти. Бог слышит

мои молитвы и всегда делает так, как я прошу: мне совестно так откровенно испытывать его доверие. Помолись сам, если ты так ищешь прощения, и Бог тебя обязательно услышит, я уверен.

Человек на пару мгновений замер, словно подумав, не ослышался ли он, а затем будто озверел. Он подпрыгнул, как выстрелившая пружина, и завыл, в порыве гнева пытаясь дотянуться до дупла.

– Ну помолись! – взревел человек, метаясь у подножия дуба, как подстреленный волк. – Ну помолись, чего тебе стоит! Ну хочешь, я тебе заплачу, я тебе денег дам, сколько хочешь! Что тебе нужно? Я всё сделаю, ты только скажи! Ну что ты молчишь? Что ты молчишь, птица лягушачья, что ты смотришь на меня?.. – тут человек случайно заметил гиматий, неровной грудой висевший на одной из ветвей дуба, и что-то уж совсем безумное появилось в его взгляде. – Подкупили... Как есть, подкупили... Ты что же сразу не сказал, голубчик? – человек улыбнулся слабой доброй улыбкой, от которой у козодоя всё внутри похолодело. – Это они сказали тебе не молиться за меня, да?.. Они... Ну да, конечно, кто же ещё... И ты с ними заодно? А я-то думал, ты другой... Не помолишься за меня, значит? – козодой покачал головой из стороны в сторону. – Ах ты! – взревел человек и со всей силы ударил кулаками по дереву, так что у него на костяшках выступила кровь. – Ах ты, дряная птица! Продажник! Гад! Я тебе шею сверну, чтоб ты не молился больше и спать добрым

людям не мешал, только попадись мне!

Человек схватил камень потяжелее и со всей силы бросил его в дупло, где сидел козодой, и тот успел только тихо пискнуть перед тем, как булыжник придавил его и без того маленькое тело.

Козодой очнулся уже поздней ночью, когда большая яркая луна висела высоко в небе над лесом и заглушала собой другие звёзды. Она была круглая, как глаз, и белая, как смерть, но вместе с тем вовсе не холодная и не пустая, какой могла бы быть, а наоборот, ласковая и родная, и козодой слабо улыбнулся ей.

Почему-то ему приснилось, что он умер, но Бог, подобному погладив его по перьям, не принял его и попросил какого-то молодого мужчину без сандалий отнести его обратно на землю. Козодой осторожно спихнул с себя камень и потянулся, разминая крылья: во всём его теле была слабость, но он мог двигаться, а значит, удар был не таким уж и сильным – не смертельным, и то хорошо. Окончательно проснувшись, козодой вспомнил про охотника и человека, кинувшего в него камень. Он осторожно выглянул наружу, но там никого не было: стояла мёртвая тишина, и, казалось, было слышно, как скрипели звёзды, но на самом деле это были сверчки где-то в траве. Козодой устало вздохнул, вывалился из дупла, расправил крылья и чёрной тенью бесшумно полетел прочь.

Спустя некоторое время он был вынужден снова опу-

ститься: удар давал о себе знать, его мутило, и у него кружилась голова. Козодой приземлился на одну из осиновых веток, ту, что была пошире, закрыл глаза, устало положил голову на шершавую кору и даже не сунул её под крыло, так он плохо себя чувствовал. Ветвь под ним подозрительно скрипела на ветру, словно была готова обломиться под чьей-то тяжестью – уж точно не под его, козодой не был таким тяжёлым. «Скрип. Скрип-скрип», – скрипело дерево на ветру.

Наконец козодоя посетила мысль, что что-то не так. Он настороженно поднял голову и прислушался, а затем посмотрел вниз, туда, откуда слышался скрип. «Кач-кач», – качалось на ветру из стороны в сторону, словно маятник, на удивление тяжёлое тело худого высокого человека. В ночи он казался полностью чёрным, словно вырезанным из темноты, и, только когда он повернулся на ветру, козодой увидел в лунном свете бледное пятно, бывшее его лицом, которое местами скрывали упавшие на него пряди. Глаза его, до этого лихорадочно блестящие даже во мраке ночи, теперь помутнели и потускнели, и их невидящий, слепой взгляд навсегда остановился на одной точке, известной только ему одному. Казалось, человек очень глубоко задумался или даже задремал, и перед его внутренним взором стояла прекрасная картина, на которую он хотел бы смотреть вечно – а может быть, он и будет смотреть вечно, ведь больше ему делать было нечего. Мышцы человека наконец-то расслабились, и челюсть, прежде чуть выдвинутая вперёд в дешёвой злобе, упа-

ла вниз, демонстрируя чёрный бездонный рот. От белой, уже заочевневшей кожи веяло могильным холодом.

Козодой всё-таки помолился за его душу, пусть чёрную, как сажа, но помолился, прямо там, на ветке дрожащей осины, а потом улетел с рассветом, и больше он в тех краях не появлялся. А может, и появлялся, просто не осталось на свете людей, которые бы его помнили.

– Ладно, – хлопнул он себя по колену и с кряхтением поднялся. – Молись спокойно, друг. Я-то тебя уж точно не трону.

Глаза козодоя слабо сверкнули в лунном свете сквозь частую поросль маквиса, и он слабо улыбнулся.

– Да нет, – добродушно отозвался козодой, – я и сам знаю, что мешаю. Скоро рассвет. Я посплю здесь днём, если ты не против, а следующей ночью отправлюсь дальше, куда-нибудь на север. Говорят, есть где-то страна, где снег не тает круглый год, а ночь длится шесть месяцев. Я там никогда не был, но, думаю, там есть, за кого помолиться.

– Если вдруг захочешь задержаться – оставайся, – сказал он и положил руки в карманы. Гравий заскрежетал под его ногами.

– Помолиться за тебя? – спросил козодой, когда он уже собирался уходить.

– Не надо, – хмыкнул он, гоняя мыском маленький камешек гравия. – Сам говорил, что молиться за себя – дело неблагодарное и неблагодарное. Мне как-то совестно что-то выпрашивать у Бога. Для кого-то – другой разговор... Я... Это... – он задумчиво пожевал губы и потупил взгляд. – Я сам справлюсь. Мне чужой помощи в жизни не надо, пусть даже от Бога, а вот после смерти не откажусь, уж больно неизвестно и незнакомо там всё. Ты молодец, козодой... Дело твоё правое.

И он ушёл обратно, туда, откуда пришёл, в свой дом, светящийся белыми стенами в темноте ночи, под окнами которого рос низенький колючий маквис и молился козодой. Небо на востоке уже немного позеленело, предвещая скорый приход нового дня, но звёзды сияли на удивление ярко, словно хотели заявить о себе на ослепок перед тем, как они исчезнут под напором солнца. Прожорливая цикада трещала в траве по соседству совершенно громко и бессовестно, но никто не просил её замолчать, хотя в её песне не было никакого смысла. Утренний час, тёмный, как уголь, и мягкий, как бархат, опускался на студёную, продрогшую землю.

И хоть бы кто помолился за козодоя.